

Максим Горький

Проходимец

Максим Горький

Проходимец

«Public Domain»

1897

Горький М.

Проходимец / М. Горький — «Public Domain», 1897

«...Натыкаясь во тьме на плетни, я храбро шагал по лужам грязи от окна к окну, негромко стучал в стёкла пальцем и провозглашал:– Пустите прохожего ночевать?!В ответ меня посылали к соседям, в «сборню», к чёрту; из одного окна обещали натравить на меня собак, из другого – молча, но красноречиво погрозили большим кулаком. А какая-то женщина кричала мне:– Иди-ка, иди прочь, пока цел! У меня муж дома...Я понял её так: очевидно, она принимала ночлежников только в отсутствие мужа...»

Содержание

I. Встреча с ним	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максим Горький

Проходимец

I. Встреча с ним

...Натыкаясь во тьме на плетни, я храбро шагал по лужам грязи от окна к окну, негромко стучал в стёкла пальцем и провозглашал:

– Пустите прохожего ночевать?!

В ответ меня посылали к соседям, в «сборню», к чёрту; из одного окна обещали натравить на меня собак, из другого – молча, но красноречиво погрозили большим кулаком. А какая-то женщина кричала мне:

– Иди-ка, иди прочь, пока цел! У меня муж дома...

Я понял её так: очевидно, она принимала ночлежников только в отсутствие мужа...

Пожалев, что он дома, я пошёл к следующему окну.

– Добрые люди! Пустите прохожего ночевать?!

Мне ласково ответили:

– Иди с богом – дальше!

А погода была скверная: сыпался мелкий, холодный дождь, грязная земля была плотно окутана тьмой. Иногда откуда-то налетал порыв ветра; он тихо выл в ветвях деревьев, шелестел мокрой соломой на крышах и рождал ещё много невесёлых звуков, нарушая скорбной музыкой тёмную тишину ночи. Слушая эту печальную прелюдию к суровой поэме, которую зовут – осень, люди под крышами, вероятно, были дурно настроены и поэтому не пускали меня ночевать.

Я долго боролся с этим их решением, они стойко сопротивлялись мне и, наконец, уничтожили мою надежду на ночлег под кровлей. Тогда я вышел из деревни в поле, думая, что тут, быть может, найду стог сена или соломы, – хотя только случай мог указать мне их в этой густой, тяжёлой тьме.

Но вот я вижу, что в трёх шагах от меня возвышается что-то большое и ещё более тёмное, чем тьма. Догадываюсь – это хлебный магазин. Хлебные магазины строятся не прямо на земле, а на сваях или на камнях; между полом магазина и землёй есть пространство, где порядочный человек может свободно поместиться, – стоит только лечь на живот и проползти туда.

Очевидно, судьба хотела, чтобы я провёл эту ночь не под крышей, а под полом.

Довольный этим, я полз по сухой земле, ощупывая более ровное место для ложа. И вдруг во тьме раздаётся спокойно предупреждающий голос:

– Держите левее, почтенный...

Это было поистине неожиданно.

– Кто тут? – спросил я.

– Человек... с палкой!..

– Палка и у меня есть...

– А спички есть?

– И спички.

– Вот хорошо!

Я не видел в этом ничего хорошего, ибо, на мой взгляд, хорошо мне могло быть только тогда, когда бы я имел хлеб и табак, а не только спички.

– А что, в деревне не пускают ночевать? – спросил невидимый голос.

– Не пускают, – сказал я.

– И меня тоже не пустили...

Это было ясно, – если только он просился на ночлег. Но он мог и не проситься, а сюда залез, быть может, лишь для того, чтоб выждать удобный момент для совершения какой-нибудь рискованной операции, требующей покрова ночи. Конечно, всякий труд угоден богу, но всё-таки я решил крепко держать в руке мою палку.

– Не пустили, черти! – повторил голос. – Дубьё! В хорошую погоду пускают, а вот в такую – хоть реви!

– А вы куда идёте? – спросил я.

– В... Николаев. А вы?

Я сказал куда.

– Попутчики, значит. А ну, зажгите-ка спичку, я закурую.

Спички отсырели; я очень долго и нетерпеливо шаркал ими доски над моей головой. Вот, наконец, вспыхнул маленький огонёк, – из тьмы выглянуло бледное лицо в чёрной бороде.

Большие, умные глаза с усмешкой посмотрели на меня, потом из-под усов блеснули белые зубы, и человек сказал мне:

– Хотите курить?

Спичка догорела. Зажгли другую, и при свете её ещё раз осмотрели друг друга, после чего мой сончлежник уверенно объявил:

– Ну, нам, кажется, можно не стесняться, – берите папиросу!

У него в зубах была другая – разгораясь, она освещала его лицо красноватым светом.

Около глаз и на лбу у этого человека много глубоких, тонко прорезанных морщин. Он одет в остатки старого ватного пальто, подпоясан верёвкой, а на ногах у него лапти из цельного куска кожи – «поршни», как их зовут на Дону.

– Странник? – спросил я.

– Пешешествую. Вы?

– Тоже.

Он завозился, брякнуло что-то металлическое, – очевидно, чайник или котелок, необходимые принадлежности странника по святым местам; но в его тоне не было оттенка того лисьего благочестия, которое всегда выдаёт странника, в его тоне не звучала обязательная для странника вороватая елейность, и пока в речах его не было ни вздохов благоговейных, ни слов «от писания». Вообще он не походил на профессионалиста-шатуна по святым местам, эту худшую разновидность неисчислимой «бродячей Руси», – худшую по своим моральным качествам и вследствие массы лжи и суеверий, которыми люди этого типа заражают духовно голодную, алчущую деревню. К тому же и шёл он на Николаев, где нет мощей...

– А откуда шагаете? – спросил я.

– Из Астрахани...

В Астрахани тоже нет мощей. Тогда я спросил его:

– Значит, вы от «моря до моря» ходите, а не по святым местам?

– И во святые захожу. Почему же не зайти во святое место? Там всегда хорошо кормят... особенно, если со мнихами в интимность вступить. Наш брат Исакий ими очень уважается, потому что разнообразие вносит в их жизнь. А вы как насчёт этого?

– Пользуюсь.

– Кормовые места. А откуда идёте? Ага! Путина протяжённая. Запаливайте спичку, – ещё покурим. Когда куришь, как будто теплее становится...

Было действительно холодно: и от ветра, который нахально врвался к нам, и от мокрой одежды.

– Может быть, вы есть хотите? Я имею хлеб, картофель и две жареных вороны... дать?

– Ворону? – спросил я с любопытством.

– А вы их не едите? Напрасно...

Он сунул мне большую краюху хлеба.

– Я не пробовал ворон...

– Натё, попробуйте. Осенью они вкусные. И потом – гораздо приятнее есть ворону, выуженную своей рукой, чем хлеб или сало, поданные тебе рукой ближнего из окна дома его... который всегда, после того, как примешь милостыню, – хочется поджечь!..

Это он резонно говорил, резонно и интересно. Употребление ворон в пищу было ново для меня, но не вызвало во мне удивления: я знал, что в Одессе зимой «раклы» едят крыс, в Ростове – улиток. Что тут невероятного? Даже парижане, находясь в осадном положении, с удовольствием ели всякую дрянь, а есть люди, которые всю жизнь находятся в осадном положении.

– А как же вы ловите ворон? – осведомился я.

– Не ртом, конечно. Их можно убивать палкой или камнем, но вернее – удить! Нужно привязать на конец длинной бечёвки кусок сала, мяса или корку хлеба. Ворона схватит, проглотит и – тащи её! Потом, свернув ей голову, ощипать, выпотрошить и, воткнув на палку, жарить над костром.

– Хорошо бы теперь посидеть у костра! – вздохнул я.

Холод становился ощутительнее. Казалось, что и сам ветер иззяб: он с таким болезненно дрожащим визгом бился о стены магазина. Порою вместе с ним прилетал вой собаки, тоскливый звук сторожевого колокола сельской церкви. Капли дождя тяжело падали с крыши на мокрую землю.

– Скучно лежать молча!.. – сказал мой соночлежник.

– А говорить – холодно, – заметил я.

– А вы суньте ваш язык за пазуху, согреется!

– Спасибо за совет...

– Вместе, что ли, пойдём? Нам по дороге...

– Пойдёмте!

– Так познакомимся... я, например, дворянин Павел Игнатьев Промтов...

Отрекомендовался и я.

– Ну-с, так вот! Теперь спрошу: вы как попали на стезю сию? По слабости к водке, что ли?

– От скуки жизни...

– И это возможно... А вы знаете одно сенатское издание, именуемое: «Справки о судимости»?

– Знаю...

– Ваше имя там напечатано?

Я в то время ещё нигде не печатался, о чём и заявил ему.

– И я тоже не пропечатан...

– Но надеетесь?

– Всё в руке божией!

– А вы, кажется, весёлый человек?

– О чём горевать?!

– Не всякий скажет это, будучи в вашем положении, – усомнился я в искренности его слов.

– Положение – сырое и холодное, но ведь оно изменится с рассветом. Взойдёт солнце – ведь оно взойдёт? Тогда мы вылезем отсюда и будем пить чай, поедим, согреемся... Разве плохо?

– Хорошо! – согласился я.

– Ну вот видите! Всё дурное имеет свои хорошие стороны...

– Всё хорошее – свои дурные...

– Аминь! – тоном диакона возгласил Промтов.

Ей-богу, с ним весело! Я жалел, что не могу видеть его лица, которое, судя по богатству интонации голоса, должно было очень выразительно играть. Мы долго говорили с ним о пустяках, скрывая за ними обоюдное желание ближе узнать друг друга, и я внутренне восхищался той ловкостью, с которой он, умалчивая о себе, заставлял меня высказываться пред ним.

Пока мы беседовали, дождь перестал, тьма незаметно начала таять; уже на востоке загоралась нежным блеском розоватая полоса рассвета. С рассветом вместе явилась, и свежесть утра – приятная и бодрящая, когда она застаёт человека одетым в сухое и тёплое платье.

– Не найдём ли мы тут чего-нибудь для костра? – спросил Промтов.

Ползая по земле, мы поискали, но ничего не нашли. Тогда решили отодрать какую-то доску, не особенно крепко прибитую к своему месту. Отодрав, превратили её в щепы. Затем Промтов предложил попробовать, нельзя ли провертеть дыру в полу магазина, дабы достать зёрен ржи, – ибо, если рожь сварить в воде, – получается хорошая пища. Я протестовал, заявив, что это неудобно: мы выпустим из магазина несколько пудов ржи для того, чтоб взять её два-три фунта.

– А вам какое до этого дело? – спросил Промтов.

– Нужно, я слышал, иметь уважение к чужой собственности...

– Это, батенька, только тогда нужно, когда есть своя! И нужно только потому, что она для всякого другого – чужая...

Я замолчал, думая про себя, что этот человек должен быть крайним либералом в вопросе о собственности и что приятность знакомства с ним, наверное, имеет свои неудобства.

Явилось солнце, весёлое, яркое. Голубые куски неба смотрели из разорванных туч, медленно и устало плывших на север. Всюду сверкали капли дождя. Мы с Промтовым вылезли из-под магазина и пошли полем, по щетине скошенного хлеба, к зелёной извилистой ленте деревьев вдали от нас.

– Там – река, – сказал мой знакомый.

Я смотрел на него и думал, что ему, должно быть, лет за сорок и жизнь для него была не шуткой. Его глаза, тёмные и глубоко запавшие в орбиты, блестели спокойно и самоуверенно, а когда он немного прищуривал их, лицо его принимало выражение лукавое и сухое. В твёрдой и спорой походке, в ранце из кожи, ловко прикрепленном на спине, во всей его фигуре видна была привычка к бродячей жизни, волчья опытность и лисья сноровка.

– Пойдём мы с вами так, – говорил он: – сейчас за рекой, верстах в шести, будет село Манжелея, а от него прямая дорога на Новую Прагу. Около этого местечка живут штундисты, баптисты и другие мечтающие мужички... Они прекрасно кормят, если им соврать что-нибудь утешительное. Но о писании с ними – ни слова! Они сами в писании, как дома...

Мы выбрали себе место недалеко от группы осокорей, набрали камней на берегу речонки, мутной от дождя, и на камнях развели костёр. Верстах в двух от нас на возвышенности стояла деревня, солома её крыш блестела розовым золотом. Острые тополя окрашены в краски осени.

Тополя окутывал серый дым труб, затемняя оранжевые и багряные цвета листвы и нежно-голубое небо между нею.

– Я буду купаться, – объявил Промтов. – Это необходимо после такой скверной ночи.

Советую и вам. А пока мы освежимся – чай вскипит. Знаете, нужно заботиться, чтобы естество наше всегда было чисто и свежо.

Говоря, он раздевался. Тело у него было породистое, красиво сложенное, с крепкими, хорошо развитыми мускулами. И, когда я увидел его обнажённым, грязные лохмотья, сброшенные им с себя, показались мне более гнусными, чем казались до сей поры... Окунувшись в жгучую воду реки, дрожащие и синие от холода, мы выскочили на берег и торопливо одели наше платье, согретое у костра. Потом сели к огню пить чай.

У Промтова была железная кружка; он налил в неё кипящего чаю и предложил его сначала мне. Но чёрт, который всегда готов посмеяться над человеком, дёрнул меня за одну из лживых струн сердца, и я великодушно заявил:

– Спасибо! Пейте сначала вы, я подожду!

Я сказал это в твёрдой уверенности, что Промтов непременно захочет соревноваться со мною в великодушии и вежливости, – тогда я уступил бы ему и первый выпил бы чай. Но он просто сказал:

– Ну, хорошо...

И поднёс кружку к своему рту.

Я отвернулся в сторону и стал пристально смотреть в пустынную степь, желая убедить Промтова, будто я не вижу, как смеются надо мной его тёмные глаза. А он прихлёбывал чай, жевал хлеб, вкусно чмокая губами, и делал всё это мучительно медленно. У меня от холода даже внутренности дрожали, я готов был в горсть себе налить кипятку из чайника.

– Что, – засмеялся Промтов, – невыгодно деликатничать-то?

– Увы! – сказал я.

– Ну и прекрасно! Учитесь... Зачем уступать другому то, что тебе выгодно или приятно?

Ведь хотя и говорят, что все люди – братья, однако никто не пробовал доказать это метрическими справками...

– Уж будто вы именно так думаете?

– А чего ради я говорил бы не так, как думаю?

– Знаете, ведь человек всегда немножко рисуется, кто бы он ни был...

– Не пойму я, чем вызвал у вас такое недоверие ко мне!.. – пожал плечами этот волк. – Уж не тем ли, что дал вам хлеба и чаю? Так я сделал это не из братских чувств, а из любопытства. Вижу человека не на своём месте, и хочется знать, как и чем его вышибло из жизни...

– И мне тоже этого хочется... Скажите мне: кто и что вы? – спросил я у него.

Он пылливо посмотрел на меня и, помолчав, сказал:

– Человек никогда точно не знает, кто он... Нужно спрашивать у него, за кого он себя принимает.

– Хотя бы так!

– Ну... думаю, что я человек, которому в жизни тесно. Жизнь узка, а я – широк...

Может быть, это неверно. Но на свете есть особый сорт людей, родившихся, должно быть, от Вечного жида. Особенность их в том, что они никак не могут найти себе на земле места и прикрепиться к нему. Внутри их живёт тревожный зуд желания чего-то нового... Мелкие из них никогда не могут выбрать себе штанов по вкусу, и от этого всегда не удовлетворены, несчастны, крупных ничто не удовлетворяет – ни деньги, ни женщины, ни почёт... Таких людей не любят: они дерзновенны и неуживчивы. Ведь большинство ближних – пяточки, ходовая монета... и вся разница между ними только в годах чеканки. Этот – стёрт, тот – поновее, но цена им одна, материал их одинаков, и во всём они тошнотворно схожи друг с другом. А я не пятак, – хотя, может быть, я семишник... Вот и всё!

Он говорил, скептически усмехаясь, и мне казалось, что он сам не верит себе. Но он возбуждал во мне жадное любопытство, я решил идти за ним, пока не узнаю, – кто он? Было ясно, что это так называемый «интеллигентный человек». Их много среди бродяг, все они – мёртвые люди, потерявшие всякое уважение к себе, лишённые способности к самооценке, и живут лишь тем, что с каждым днём своей жизни падают всё ниже в грязь и гадость; потом растворяются в ней и исчезают из жизни.

Но у Промтова было что-то твёрдое, стойкое. Он не жаловался на жизнь, как это делают все.

– Ну что же? Идём? – предложил он.

– Идём!

Согретые чаем и солнцем, мы пошли берегом реки вниз по её течению.

– А вы как добываете пропитание? – спросил я Промтова. – Работаете?

– Ра-ботаю? Нет, я до этого не охотник...

– Но как же?

– А – вот увидите!

Он замолчал. Потом, пройдя несколько шагов, стал насвистывать сквозь зубы какую-то весёлую песню. Глаза его уверенно и зорко оглядывали степь, и шагал он твёрдо, как человек, идущий к цели.

Я смотрел на него, и желание понять, с кем я имею дело, сильнее разгоралось во мне.

...Когда мы вошли в улицу села, к нам под ноги бросилась маленькая собака и с громким лаем стала вертеться вокруг нас. При каждом взгляде на неё она, пугливо взвизгивая, отскакивала в сторону, как мяч, и снова бросалась на нас, ожесточённо лая. Выбегали её подруги, но они не отличались таким усердием: тявкнут раз-два и скроются. Их равнодушие, кажется, ещё более возбуждало рыжую собачонку.

– Видите, какая подлая натура? – сказал Промтов, кивая головой на ревностную собаку.

– И ведь лжёт она, понимает, что лаять не нужно, она не зла – она труслива, но – желает выслужиться перед хозяином. Черта чисто человеческая и, несомненно, воспитана в ней человеком. Портят люди зверей... Скоро наступит время, когда и звери будут такими же неискренними, как вот мы с вами...

– Благодарю, – сказал я.

– Не на чем. Однако мне нужно пострелять...

На его выразительном лице явилась скорбная мина, глаза стали глупыми, весь он согнулся, сжался, и лохмотья на нём встали стоймя, как плавники ерша.

– Надо обратиться к ближнему с просьбой о хлебе, – объяснил он мне своё превращение и стал зорко смотреть в окна хат. У одной хаты под окном стояла женщина, кормя грудью ребёнка. Промтов поклонился ей и просительно сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.